

Вячеслав Белков

УЛЫБАЮЩИСЯ ДЕЛЬФИН

Плохо было Рансарову в этом мире. Людей стало меньше, а техники и техников больше. Не сжились синхрофазотрон и вешняя травка, песни любви и Магнитки. Рансаров был книжник. С измательства он холил и пестовал заумь свою — вчитывался, вглядывался, докапывался до всего, искал. Сшибало его машинами, перетирало в толкучке, задирали и оскорбляли его хамье. А он втайне верил и ждал, что придет, наконец, всеобщее благоденствие, что люди прозреют и улыбнутся друг другу.

Он неторопливо шел по аллее к своему дому и, видимо, улыбался, так как шедший ему навстречу коренастый парень притормозил и улыбнулся в ответ.

— Что! Праздник, шеф? — подмигнул по-приятельски он. — Это хорошо, что праздник. Твори! — так светло, так по-человечески он это сказал, что Рансаров, не подумав, из солидарности сказал:

— Женюсь, понимаешь!

Оба учтиво приостановились, хоть и мимоходом брошена пара случайных фраз, а все-таки разговор.

— Поздравляю! — расплылся в улыбке парень. — Люби!

— Стараясь! — стушевался Рансаров, и чтобы как-нибудь завершить незадачливую беседу, напутствовал незнакомца:

— Желаю и вам в жизни, как говорится, всего! До встречи!!

Как бы сами собой их руки соединились в рукопожатии.

— Кроткий Сема, — автоматически представился парень.

Не отвечать было неэлепо.

— Рансаров Арчибальд!

После того, как они представились друг-другу, расходиться было еще глупее. Возникла неуклюжая пауза. Парень вынул пачку Пел-Мела, постучал по коробке, протянул Рансарову и осведомился:

— Праздновать идете или по делам?

— Да нет, — отмахнулся Рансаров, окончательно завираясь, — еще денек-другой похожу на свободе, по-холостяцки. А там, уже все — лазарет!

— Так может мы с вами это дело отметим, а? По-холостяцки.

Сообразим "полбанца" за любовь!

— За любовь это можно! — молодцевато крикнул Рансаров.

— Вы, я вижу, человек радушный, с огоньком!

— Это верно, — бесшабашный я! Люблю все живое! Куда дви-
нем?

— Пойдемте просто к мне. По-свойски. Дом мой недалеко,
а по дороге завернем в гастронорм.

— Райская вы душа! Позвольте мне называть вас просто
Рансаром?

— Что за вопрос, Сема! Так даже звонче!

Они купили, что нужно и поднялись на последний этаж в
мансарду Рансарова. Кроме книг, шкафа, стола, лампы и лежака
вещей у Рансарова не было. Практическая жилка отсутствовала
в его организме. Он не был рабом вещей. Проклятое мещанское
благополучие обошло его дом стороной. Единомышленники усе-
лись кое-как за стол, и потянулася задушевная, как это бывает
между людьми мало знакомыми, беседа.

— Практицизм, Сема, — это болезнь. Болезнь века, можно
сказать. Совершенствуется технология, увеличивается ассорти-
мент товаров. А человек ведь просто — любопытный зверек, пад-
кий до всякой новинки. Приобретательством он развращает себя.
Пройдет время, и индустрия превратится в Империю побрякушек.
Деньги, деньги! Туда-сюда! Ритуалы, игрища, культы — все это
языческая Игротека!

Кроткий не вмешивался в монологи Рансарова, поддакивал,
хмыкал и осушал стакан за стаканом. Рансарова уже совсем раз-
везло. Голос его обрел патетические интонации.

— Дельфины, — их бьют, — а они улыбаются! А люди? Хлеб,
звонница, секс! Где же природа? Потеряна связь! Но я верю, —
продолжал витийствовать Рансаров. — Придет время, когда из-
углов своих начнет выползать народ, неуверенно и робко пока-
еще ступая по этой земле. Они забудут о норах своих, о нажи-
том потом своим барахлом и увидят друг друга как есть, и вдох-
нут свободно и счастливо.

— Что ж это за люди такие, что света белого не видели? —
выпалил в сердцах Кроткий. Трескотня Рансарова доконала его.

— Да не знаю сам! — как-то угас Рансаров.

— Может, и нет таких. А может, это и мы с вами, — воодушевился он. Дайте, еще подолью!

Пресмыкается, угодничает, холуй малохольный, — злопыхал в душе Кроткий. Однако сурово ответил: ..

— Погожу пока! Вот вы говорите — люди! А сами кто? Кег-^{вы}ля? Гоголь-моголь? Фрукт? ..

Рансаров оглядел себя с ног до головы, задумался и зачирикал:

— Я — человек, — не знаю, как это получилось, но человек!

И тут же спохватился:

— Руки, ноги, голова, разум, черт побери — этого мало. Есть нечто большее. Главное, высшее, глубинное. Это как бы...

— Ну, ну! Что, где? — изгалялся уже в открытую Кроткий. — Куда, когда, откуда? Только не кашляйте.

— Это — как бы, как бы, — запинаясь Рансаров, — ну понимаете... Нет! Вам этого не понять, раз вы не хотите понять.

— Знаете что? — предложил Кроткий, — идемте на улицу, прохладимся, вздохнем полной грудью, увидим небо, на людей посмотрим "как они есть". Погуляем и баньчки! А то вы захирели тут в своем углу, еще наживете что-нибудь своим потом, типа барахда какого-нибудь. Пшли, Рансар! Потопчем шарик!

— Никуда я не пойду, — огрызнулся Рансаров. А вот вы, я понял — никто.

— Мудрый вы человек, — как-то зловеще начал приговаривать Кроткий. — Все-то вы насквозь видите, вглубь вещей проникаете. Вас бы приодеть, да в бронзе отлить, и жениться не надо. А так, буйная вы голова, кому вы нужны, такой замзганный, задушевный.

— Не надо так, я ведь все чувствую — вы, вот, подтруниваете надо мной, а мне больно!

— Рансаров! Я не шучу. Руки на щею, к стене, шнейль, не двигаться. Сейчас ты у меня запоешь, дельфин, недоносок, ублюдок, выродок!

— Я... я... не понимаю! Как это так? — проверещал Рансаров, вымучивая улыбку.

— А вот так! — холодно процедил Кроткий и саданул Рансарова кастетом по основанию черепа. Хрустнул хрящ. Тело Ранса-

рова оползло и замерло на полу с раскинутыми плавниками. Кроткий пнул для проформы носком сапога чучело в бок, взял со стола остатки плавленого сырка, завернул их в салфетку и погрузил в карман.

.. — Собак подкормлю по дороге, — прикинул он. И вышел, аккуратно прикрыв за собою дверь.
